

Феликс Кохрихт

Яффа: от Шаббата до рассвета

Ной был человек праведный и непорочный в роде. Ной ходил перед Богом. Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета.

Ветхий Завет. Книга Бытие

В честь третьего сына и был назван город, в котором Ковчег был построен Ноем, для того чтобы спасти Божьи творения (всех по паре) от надвигающегося Потопа, посланного людям за грехи. Хорошо еще, что второй сын проявил себя не лучшим образом, а то бы местным жителям пришлось выслушать немало колкостей от соседей.

Яффа – среди самых древних городов мира, легендарное место силы, с которым связаны и чудеса, и важнейшие исторические события. Отсюда ушел в плавание пророк Иона, проглоченный затем китом и выбравшийся из его чрева в добром здравии, к здешним причалам швартовались корабли со строительными материалами для Иерусалимского храма, который возводил царь Соломон...

В библейские времена здесь жили соотечественники Ноя, затем этими местами завладели римляне, арабы, крестоносцы, турки, и лишь в мае 1948 года город вернулся в историю, как и все Государство Израиль.

Невозможно обойтись без пафоса, когда вспоминаешь о том, что среди его создателей и руководителей были выходцы из Одессы, упомянем здесь лишь первого мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа, писателя и воина Владимира (Зеева) Жаботинского. Именно в порт Яффы приходили суда с нашими земляками, построившими в пустыне и на неудобьях города и кибуцы.

В начале XX века Тель-Авива еще не существовало, а когда на купленной у турок земле была создана еврейская община и возник поселок, он входил в состав Яффы, но спустя всего несколько десятилетий роли поменялись, и нынче это один город: Тель-Авив – Яффа.

Сегодня с причалов старого порта открывается панорама мегаполиса с его небоскребами и башнями, среди них выделяется министерство обороны, вокруг которого и птица не пролетит без бдительного присмотра.

Бывали в Яффе и на сей раз, в мае нынешнего года, приехали сюда на концерт, который давал знаменитый скрипач Сергей Стадлер, которого мы помним с его гастролей в Одессе – юношей рижанин победил на конкурсе имени Чайковского, и я брал у него интервью.

И здесь нас застал Шаббат: для представителей иных конфессий – конец недели, а для иудеев – седьмой, заключительный день Творенья, в который Господь, устав, отправился отдыхать, повелев верующим в Него последовать Его примеру. Вот так оно и происходит несколько тысяч лет, так было в пятницу в Старом Яффо (не в старой Яффе!). Прекратил работу общественный транспорт, подорожали такси, закрылись все учреждения, офисы, начали опускать ставни и закрывать двери магазины. Когда день сильно перевалил за половину, мы поняли, что надо поспешить на базар, чтобы заготовиться всем необходимым для праздничной трапезы.

У нашей смешанной пары представление о необходимом в таком случае наборе для праздничного застолья вылилось в следующее: первым делом мы купили (перепробовав из десятка бутылок) вино из Галилейской долины – терпкое и неуловимо пьянящее с первого стакана. Затем повелели арабу, окончившему (как выяснилось) Одесский холодильный институт и горевавшему по поводу того, что его слили с пищевым, набрать полкило разных маслин, в которых были уверены с первого взгляда и в чем не обманулись.

С недоверием и трепетом углядел на рыбном прилавке золотую качалку скумбрии, которую не видел с юных лет, и, тая надежду, попросил девушку килограммов на 150 завернуть ее в пергаментную бумагу, которая оказалась газетой с ивритскими письменами, что я заметил гораздо позже. Скумбрия средиземноморская оказалась дальней, но прямой родственницей нашей, фонтанской, воспетой недавно прозаиком Сережей Рядченко и снятой на черно-белую пленку фотокором Мишей Рыбаком в годы, когда Сережа ходил в детский сад, а я уже разбирался в рыбке. Не фонтан оказалась, но ближе к воспоминаниям, чем стамбульская, критская, барселонская...

Не оправдали надежд и бублики – бейгеле, с виду похожие на наши, с Екатерининской пекарни, но не те, хотя и с симитатью... Зато сыры, травы, перцы, баклажаны, клубника, персики, помидоры были достойны представлять уникальное сельское хозяйство Израиля, взрастившее их на капельном орошении и опресненной морской воде, не говоря уже о вторичном использовании уже использованной, что поощряется, но не афишируется.

И наконец – хумус мит (с) фасолес, вернее – мит нут, с крупным арабским горохом, травами, примочками, объединение, перемешанное и сдобренное чистым, как слеза бедуина, оливковым маслом, ничего общего не имеющее с тем, что предлагают в одесских будках арабского фастфуда и еврейских ресторанах. Его можно съесть много, и оно не надоедает.

Уже выпив и закусив, осознали, что на столе (к Таниному тайному удовлетворению) не было ничего мясного, и я задумался о том, как это могло случиться. Не могу найти убедительного объяснения и сегодня...

А потом мы пошли погулять по старому городу, несколько обезлюдевшему в Шаббат, но все же наполненному разноговорящими людьми, словно сбежавшими с незавершенного строительства Вавилонской башни, чтобы поглядеть на порт, откуда совсем недавно отчалил Ковчег, с палубы которого Ной и его два праведных сына – Сим и Иафет – махали платочками остающимся, а средний – Хам – насупился и не глядел на город...

С площадки минарета запел муэдзин, в синагоге выключили свет – все ушли по домам и зажгли там свечи, со стороны Армянского монастыря ударил колокол, призывая прихожан на вечернюю молитву, а нас – на концерт в одном из приделов этой старинной обители, известной и тем, что в 1799 году здесь побывал император Франции Наполеон. У стен монастыря любят фотографироваться новобрачные – одну из таких пар мы сфотографировали издали, не спросив разрешения.

На террасе собрались любители Вивальди – именно его шедевр «Времена года» нам предстояло услышать. Судя по доносившимся обрывкам разговоров, большинство публики, да и музыкантов Иерусалимского фестивального оркестра составляли наши бывшие и настоящие соотечественники.

Такая же ситуация ожидала нас и в Тель-Авивском музее изобразительного искусства, где мы почувствовали себя, как в Эрмитаже и одесских музеях. Роль диаспоры в культурной жизни Израиля – тема особого интересного разговора, и он, надеюсь, состоится на страницах нашего альманаха.

Но вернемся в майский вечер в Яффе, где в намоленном зале Армянского монастыря Сергей Стадлер переносит нас из весны в лето, и мы вслед за Вивальди ожидаем прихода осени, а за ней – и зимы. Время от времени маэстро поглядывал в стрельчатое окно, и я вслед за ним видел синеву Средиземного моря и огоньки Тель-Авива, который моложе Яффы на несколько тысяч лет...

Утром мы отправились на яффский Шук – блошинный рынок – самый знаменитый не только в Израиле, но и в ближневосточной округе, где и раньше находили занятные, порой и старинные безделушки. На сей раз нам предложили купить на выгодных условиях гвоздь от Ноева ковчега, зуб кита, проглотившего Иону, кольцо царя Соломона, кинжал крестоносца, старинные часы с боем фирмы «Исаак Кохрихт» (Одесса), только вышедшую книгу Акунина о воскресшем Фандорине с неразрезанными страницами, бинокль полковника Лоуренса и 62-й номер нашего альманаха с моей статьей о Яффе...

Но мы ограничились овальным керамическим блюдом, расписанным древним армянским орнаментом, – до пары к купленным в прошлые разы плошкам. Такую посуду с незапамятных времен

делают в Армянском квартале Старого Иерусалима потомки тех, кто тысячи лет назад встречал у горы Арарат Ковчег с Ноем, его семьей и всеми парами чистых и не чистых – животных, птиц, рыб, насекомых и разных гадов, которым Господь велел жить и размножаться во второй, видимо, последний раз.

Среди пассажиров Ковчега были и кошки, которые спустя время вернулись на родину – в Яффу, и чувствуют себя там уверенно. Они кучкуются в квартале, где расположены галереи и мастерские художников, скульпторов, ювелиров. Вход (или выход) в него – через арку, в проеме которой словно парит в воздухе каменный шар. Разумеется, он подвешен на канатах, но издали создается впечатление, что невесом. Кошки никогда не садятся под этой увесистой инсталляцией, предпочитая бродить по сторонам от нее.

Во второй половине субботы начали ходить автобусы, мы пришли на остановку у Караван-сарая с поилками для верблюдов и отправились в город Бат-Ям, где нас уже заждались родственники.

На следующий день нам предстояла дальняя поездка в Галилею – в места, которые одни называют святыми, а другие – историческими, но, безусловно, важными для человечества. Скажу только, что мы побывали в Назарете, на Тивериадском озере, на берегу реки Иордан...

Мы проезжали мимо цветущей долины и невысокой горы, ничем не отличавшейся от других, многие дремали, но слова, произнесенные экскурсоводом: «А это – гора Мегиддо, где согласно Библии произойдет последняя битва Добра со Злом – Армагеддон», – заставили нас встрепенуться и вглядываться в окно автобуса даже после того, как дорога сделала поворот, и перед нами открылись иные дали.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

